

УДК 801.6 : 7.031
ББК 82.3 (2=Ады)-44
Б 38
Э.А. Беева

Пространственно–временные представления адыгов

(по материалам мифов)

(Рецензирована)

Аннотация:

Цель данного исследования – установление традиционных представлений адыгов о пространстве и времени, принципов избирательности в строении пространственно–временного континуума. В нашу задачу входит выявление особенностей логики носителя мифа, не оперирующего абстрактными категориями. В архаичной модели мира существует лишь то пространство и то время, которые охвачены мифическим действием. Пространство и время образуют в адыгских мифах неразрывное единство – хронотоп.

Ключевые слова:

Миф, традиция, хронотоп, пространство, время, скорость, расстояние.

Первые представления человека о пространстве и времени находят отражение в архаических произведениях - мифах. Изначально пространство и время в адыгских мифах образуют одно целое – хронотоп: «Все элементы космоса изначально включают в себя «временность», поскольку, согласно мифопоэтическому мышлению, возникновение (создание) – это уже отсчет времени» [1: 136].

В мифах категории пространства и времени представляют собой единое целое, и не могут функционировать в отрыве друг от друга. Это объясняется тем, что в мифе существует лишь то пространство и то время, которое попадает в центр внимания рассказчика. Любая временная точка пространственна и пространство обязательно имеет временные характеристики. Например: «*Алыджхэ санэхуафэ яцлауэ нартхэ я деж цызэхэст*» [2: 169]. – «*Алиджевы устроили праздник, и у них заседали нарты*»; «*Мыр нарт Бэдын и цлапцэц, езыми и къэсыжыгъуэц*» [3: 24]. – «*Это имение нарта Бадына, и сейчас время его возвращения*».

Квинтэссенцией пространственно - временного синкретизма в мифах является понятие *пIальэ* – «обещание, взаимное согласие, а скорее всего: срок и место, а позднее – срок» [4: 105]. «Срок» – это как бы зенит цикла времени, напоминание о нем, его опорные точки, координатные данные, где совпадают и пространство, и время» [4: 106]. Например: «*Хьарам Гуашгъхэр тпIальэ, пIальэм семыкIолIэжы хъунэп*» [5: 43]. – «*Харама - оиха – место нашей встречи, нельзя не быть там в условленное время*». «*Хъуниц, фIыц*», - *къыжриIэри пIальэ къритри лыкIуэр къыгъэкIуэжсац*» [2: 49]. – «*Согласен, хорошо*», - *сказал он, договорился о встрече (времени и месте встречи) и отправил посланника обратно*. «*Хьэрэмэ Гуащхэ» ди пIальэц, махуц пIальэ къыхуецI*» [5: 120]. – «*Место нашей встречи – Харама - оиха, времени дал три дня*».

В мифологическом пространстве живут разные народы: нарты, иныжи, испы, чинты, боги. Они включены в пространство, окрашивают его этическим смыслом. М. А. Шенкао пишет: «Пространство существует как прерывные куски: это "Харама - Гуащхэ" (Харама – гора), место, где проходят хасэ (собрания) и поединки; это Ошхамахо (Эльбрус), где прикован Насрен - Жаче; это Нарт хэку» [4: 91-92] и т. д. Он отмечает, что мифологическое пространство измеряется через способ деятельности, через неопределенность временных промежутков. В мифологическом сознании "я" включен также и во время, «здесь время вневременно, ибо все в настоящем, мир схватывается одновременно в диахронии и синхронии» [4: 112].

М. А. Кумахов и З. Ю. Кумахова также говорят о том, что в мифах нет восприятия пространства как единого целого. Это отдельные края света, отдельные страны, которые не отделены и от жителей этих местностей: «Для обозначения иного мира, мира иноземных врагов употребляется *Чынты (Чырт, Чыт)*. Как и топоним *Нарт (Нат)*, топоним *Чынт (Чырт, Чыт)* многозначен: является названием страны (края) эпических врагов и эпическим этнонимом последних» [6: 124].

Персонажи мифов не просто включены в пространство, они создают пространственную определенность, наполняя его действием. А. А. Ципинов объясняет это таким образом: «И относительно времени, и относительно пространства их наполненность реалиями объясняется общеизвестным положением о том, что на архаических стадиях развития мышление людей вообще было предметно - чувственным, конкретным» [1: 132].

Пространство и время в адыгских мифах неоднородны. В отдельных местах время протекает быстрее или медленнее, а пространство растягивается и сокращается. ««Играя пространством и временем, чудесное по своему произволу сжимает, растягивает или вовсе их снимает, не выходя при этом из предметной вещности мира» [7: 23], - пишет Я. Э. Голосовкер. Миф произвольно играет временем и пространством. Например, во время проведения праздника *санэхуафэ* молодые парни замечают мимо проезжающего Бадыноко. Здесь время в пространстве Бадыноко «выключается». Парни забегают в дом, сообщают нартам о путнике, те выходят на улицу и застают Бадыноко практически на том же месте, хотя тот не останавливался и все это время продолжал свой путь. Но как только рассказчик переносит действие на пространство Бадыноко, время снова «включается»: *«Нарт цIалэхэр кыщIэлъэдэжхэри Бэдынокъуэ зэрыблэкIым и хъыбар цыжIэм, нартхэр зэрыцIэхри кърагъэблэгъац»* [2: 204]. – «Когда молодые нарты забежали и сообщили о том, что мимо проезжает Бадыноко, нарты поспешно вышли и пригласили его в гости».

Также и помощница Сатаней Гуаши, которая пошла к реке за водой, видит едущего на коне Пши Бадыноко на расстоянии, на котором можно не просто увидеть его, но и рассмотреть до мельчайших подробностей. Но пока Бадыноко доезжает до дома Сатаней, помощница успевает прибежать и рассказать о путнике. Та приказывает встретить его с рогом, полным напитка санэху. Помощница выполняет приказ и встречает Бадыноко. Тот не принимает предложение и идет дальше. Тогда выходит сама Сатаней и снова застаёт его около дома, хотя всадник не останавливался [2: 87].

Таким образом, время в пространстве, преодолеваемом Бадыноко, идет намного медленнее, чем время в пространстве Сатаней и ее помощницы.

Также «логика» адыгских мифов может уменьшить пространство в тысячи раз. Например, в мифе о том, как Сосруко принес огонь, это происходит путем гиперболизации размеров великана:

*« ...Здэщысым, мыхъейуэ,
Гъуэгуцхыблыр зэтиIэбыхыц,
Сосрыкъуэр кыубыдри
Ар и пацхъэм къырилгъафэц»*

[5: 227-228]

*«... Не сдвигаясь с места,
Руками охватил семь дорог,
Поймал Сосруко,
Притащил и поставил перед собой».*

Пространство может быть даже «аннулировано». В сцене о том, как Сосруко убивает Иныжа, снимается и пространство, и время. Сосруко увлекает великана в самую глубокую точку акватории - в центр слияния заливов семи морей. При этом Иныж тратит на это время, равное нулю, и преодолевает нулевое пространство:

*«Хы къуэпсибл цызэхэуэм
И куупIэм ныхашэри
И льэр цIыми нэмысу,
И жьэм псыр жьэдэмыуэ,
Ар хышхуэми ховэ»* [5: 232].

*«В самую глубину слияния потоков
семи морей его заводят.
Нога его не достает до дна,
В рот его не попадает вода.
Так он стоит в огромном море».*

Персонажи мифа могут перемещаться в пространстве с любой скоростью. Нарт Тотраш настолько быстро едет на коне, что его не могут догнать ни собака, ни орел. Даже сам Сосруко на своем легендарном коне Тхожее не может к нему ни приблизиться, ни докричаться. Тогда он разворачивается и идет обратно. Он успел пройти хороший путь, когда тот оборачивается, видит Сосруко, пускается в погоню и вмиг догоняет его:

<i>«... Сэ гъээзгъуи къызимыту, Зы нэплъэгъуэм фИмыгъэкIыу, КъысцIэгъуэри зэхэсцIэц, КъыслъэцIыIэри къысцIыхъэц»</i>	<i>«... Не дал мне времени повернуться, Лишь успел я бросить взор, Он меня окликнул и я услышал, Помчался за мной и догнал».</i> [8: 102].
--	--

Тлепш в поисках края земли идет так быстро, что он преодолевает расстояние намного быстрее, чем это возможно, и преградой на его пути не могут быть ни горы, ни реки. Это именно тот случай, когда скорость «поглощает» и пространство, и время. *«Лъэтиц апхуэдизкIэ псыницIэу кIуэрти, зы мазэ гъуэгур зы махуэм икIурт, зы шгъэс гъуэгур зы мазэм икIурт; къури хуээм, ебакъуэрт, псы хуээм, елъэрт»* [3: 263]. – *«Тлепш шел так быстро, что месячный путь преодолевал за день, а годовой путь – за месяц; встречал гору – перешагивал, встречал реку – перепрыгивал».*

Также в мифах время может быть ускорено в сотни раз. Так каждый день на дереве нартов появляется яблоко. Причем оно проходит все стадии созревания ускоренно: утром появляется, к вечеру созревает:

<i>«Махуэ дэмыкIыу а жыгым Зы мыIэрысэ къынокIэ...»</i>	<i>«Каждый день на том дереве Появляется одно яблоко...»</i>
<i>«Дыгъэр къыщыкъуэкIым къытидзэрт, Дыгъэр щыкъухъэм къыдэхурт».</i>	<i>«Появляется на рассвете, Созревает на закате».</i> [3:90]

По мнению М. А. Шенкао, нартское яблоко представляет собой живое начало и является конденсатором времени: «Данное людям от бога Тхагаледжа, это яблоко есть конденсатор времени, ибо вбирает в себя время, необходимое для становления себя же из цветка за одну ночь в плод...» [4: 103-104].

В сюжете произведения излагается не хронология событий. Как заметил А. М. Гутов, сюжет состоит из более сжатых или, напротив, растянутых в несколько раз, по сравнению с временем изложения, отрывков времени, в зависимости от их значения для основной линии повествования. Причем замедление или ускорение носят относительный характер. Они могут быть усилены в несколько раз или в несколько сотен раз. Ученый объясняет это свойственным искусству принципом избирательности: «Одни события совсем отбрасываются, другие лишь упоминаются, третьи изложены довольно кратко, четвертые изображаются до самых мелких подробностей. Это делает законченное повествование подобным «единому и цельному живому существу»» [9: 70]. Так в нескольких предложениях умещается вся жизнь героя от рождения до взросления: *«Сэтэнаер Алэу зыцIэ Iазэм дэжъ кIуи, ар Лъэтигы дэжъ къыци, Алэур уатэкIэ мыжъом оозэ зэгуцуги, Саусэрыкъор къыдахыгъ. Зыми рамыIонэу зэгурыIохи, Саусэрыкъор чIыунэм цапIыны охуэфэ. Сэтэнаер ацагъэ нэуж, Саусэрыкъори лIы хъугъэу нартмэ къазыхегъахъэм: «Сэтэнаем ищылъфэкъу, Сэтэнаер кIэлъфыхъэгъагъ!» - алоу нартмэ рагъэжъагъ»* [5: 47-48]. – *«Сатаней пошла к знахарке Алеу, привела ее к Тлепшу, Алеу разбила молотком камень, и они достали Сосруко. Договорились никому не сообщать и воспитывать Сосруко в землянке. Когда Сатаней вышла замуж, и Сосруко повзрослел и вышел в народ: «Он внебрачный сын Сатаней, она родила без мужа», - начали поговаривать нарты».*

Также «логика чудесного» в мифе позволяет «отключить» время. Время в основном «останавливается» в связи с отвлечением рассказчика на отдельные комментарии. Но как только они заканчиваются и рассказчик снова приступает к повествованию, мифическое время снова «включается». Например: *«Жэщибл - махуиблкIэ санэхуафэм хэта иужькIэ Лъэбыцэжъей къежъэжащ. Нарт Хэкум Лъэбыцэжъей бзаджащIэ ину ист. Ар мэхъэшат, хъугъэцагъэрызекIуэт. Ар зыхуейр, езым къеныкъуэкъуф, къыпэлъэщыф Нарт Хэкум къримыгъэхъуэну арт. Нарт Хэкум*

исхэр кээрбгэу, гуацлэ мацлэу, лыгэниэу, псори езым и жылэцлэу цигэтыну арт. А шу закэуэм шлылгыхуэр цауэгэу шцлыну артэжым, гэцлэгэжлэ цауэгэу зыхуицлэ иуклыну арт, Лэбыцэжсэй езыр апхуэдэт. Ауэ Лэбыцэжсэй игу иль бзаджагээр нартхэм ямыцлэу и псалгэр я флэц хурт. Лэбыцэжсэй цауэгэу шцлынури имыгэуэтыжауэ, ныбэм иль сабийм и макэ зэхихар цхэжлэу цыхуауэ, я дежклэ дэмыхэжэу Алыджхэ я унэжымклэ иунэтлэц» [2: 25-26]. – «Поучаствовав в санэуафэ семь дней и ночей, Тлабицажсей отправился. Тлабицажсей из Страны Нартов был большим злодеем. Он был жесток, своенравен. Он хотел уничтожить всех, кто был сильнее него и мог соперничать с ним. Он хотел, чтобы в Стране Нартов были только трусы, безынициативные, немужественные, чтобы все служили ему. Он искал того всадника не для того, чтобы подружиться, а для того, чтобы приблизиться к нему и обманом убить его. Тлабицажсей таков был. Но нарты не знали о злостных намерениях Тлабицажсея и верили ему. Но, не найдя того, с кем хотел познакомиться, обеспокоенный голосом ребенка, услышанным из живота, направился не домой, а к дому Алиджевых».

Для носителя мифа не существует того времени, которое его не интересует. Он «исключает» его и переносится на другую временную плоскость, продолжая там повествование. Так логика мифа «аннулирует» время, которое не имеет значения для сюжета произведения. Например, для демонстрации силы и мощи Бадыноко просит привезти семь телег, полных колючек, и нарты привозят. При этом они не ищут, не косят, не собирают, - рассказчик пропускает не интересующие его подробности, соответственно, аннулируется время, которое было потрачено на данные действия: *«Сосрыкэуэ игэаклэуэри банэ гуибгэу кэригэшац. Бэдынокэуэ и псы вакытлыр зыцитлэгэри банэ гуибгэур зэхилуэтац, ешцэжри зыри кэмынэу и жым зэбгригэхыжац» [2: 50]. – «Сосуко отправил, и они привезли девять телег колючек. Бадыноко надел свою обувь, перемолол колючки, дунул и разнес все без остатка».*

Возраст персонажей мифа не подвластен времени. Герои мифа могут быстро взрослеть или застыть в одном возрасте. Например, Сосуко растет намного быстрее, чем реально требуемое на это время. Продолжительность становления героя обозначается лишь условно, и вовсе не соответствует его фактическому возрасту. Старец, прикованный к скале, остается бесконечно в одном и том же возрасте. А божества не рождаются, не умирают и не стареют. Это происходит лишь в том случае, когда бог становится человеком и уходит жить в люди, как это произошло с Тлепшем [3: 227]. Также Сатаней Гуаша всю жизнь остается красавицей средних лет. Она привлекает мужчин одинаково до появления у нее сына и после его взросления.

Пространство и время алогичны с точки зрения современного человека и имеют множество проявлений, которые невозможны в реальном мире. Но миф живет по своим правилам, и в нем нет ничего нелогичного. Все вполне взаимообусловлено и объяснимо с точки зрения присущей мифу логики.

Кроме того, время и пространство в мифе не могут иметь полноценного самостоятельного существования в отрыве друг от друга. Более того, и время, и пространство прозрачны, пока они не будут «проявлены» действием. Таким образом, получается своеобразная формула: пространство – это действие и время, а время – это действие и пространство.

Однако нельзя сказать, что мифы имеют какую-то законченную единую и неделимую систему. По мнению А. М. Гутова, никакой системы в природе адыгского фольклора нет [9: 74]. Пространство и время могут проявить себя совершенно неожиданно и в единичных случаях. Поэтому целесообразней искать не систему, а своеобразную логику мифа, благодаря которой противоестественность явления в ретроспекции становится вполне естественной и закономерной в синхронном разрезе.

Примечания:

1. Ципинов А.А. Мифоэпическая традиция адыгов. Нальчик, 2004. 178 с.
2. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7 т. / Систематизация, составление, вступительный очерк, комментарии А. М. Гадагатля. Майкоп, 1968. Т. 3. 354 с.
3. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7 т. / Систематизация, составление, вступительный очерк, комментарии А. М. Гадагатля. Майкоп, 1968. Т. 1. 319 с.
4. Шенкао М. А. «Нарты»: миф, эпос, культура. М., 1997. 152 с.
5. Нарты. Адыгский эпос. Собрание текстов: в 7 т. / Систематизация, составление, вступительный очерк, комментарии А. М. Гадагатля. Майкоп, 1968. Т. 2. 343 с.
6. Кумахов М. А., Кумахова З. Ю. Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М., 1985. 224 с.
7. Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М., 1987. 218 с.
8. Нарты. Кабардинский эпос. Нальчик, 1995. 560 с.
9. Гутов А. М. Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М., 1993. 207 с.